

An illustration of a young boy and an elderly man standing in an autumn forest. The boy, on the left, has brown hair and is wearing a red sweater and blue pants. The man, on the right, has a white beard and hair, and is wearing a long brown coat. They are surrounded by trees with yellow and red leaves, and fallen leaves are scattered on the ground.

Людмила Рэй

Маленький человек

Людмила Рэй

Маленький человек

«Автор»

2026

Рэй Л.

Маленький человек / Л. Рэй — «Автор», 2026

Жил-был человек. И правда — самый обычный, неприметный: в толпе его не выделяли, в разговорах он чаще слушал, чем говорил, а на работе его ценили за то, что он всё делал тихо и точно, без лишней суеты. Когда он был маленьким, мир казался ему огромным, но не пугающим — напротив, бесконечно добрым и щедрым. Потом пришли большие беды. Он пережил эпидемии — сначала боялся за себя, потом за близких, потом просто устал бояться. Он узнал, каково это — стоять у больничной двери и ждать новостей, которые всё равно будут не теми, что хочется услышать. Он терял людей, которых считал родными, и с каждым разом пустота внутри становилась чуть глубже, а вера в справедливость — чуть тише.

© Рэй Л., 2026

© Автор, 2026

Людмила Рэй

Маленький человек

Глава 1

«Листик на ветру»

Он жил в квартире, где тишина была роскошью, а спокойствие — редкостью. Дом всегда гудел от суеты: мама торопливо гремела кастрюлями, бабушка вздыхала над счетами, брат хлопал дверьми, будто хотел прогнать из комнаты самую тяжесть жизни. В этой суете он научился быть незаметным — тихо ставить тарелку в раковину, не просить лишнего, не мешать, когда взрослые снова начинали говорить друг с другом на повышенных тонах.

Семья жила небогато, и «не хватает» было привычным словом. Не хватало денег на новую обувь, на сладости, а иногда и на еду. Он научился ценить каждую крошку: если вдруг доставалось яблоко, он делил его на части, растягивал удовольствие, чтобы хватило на несколько дней. И всё равно старался делиться — не потому что хотел казаться хорошим, а потому что ему казалось: если ты отдаёшь хоть что-то, мир становится чуть менее холодным.

Родители ругались. Не из-за злости, а из-за усталости, из-за того, что жизнь давила на плечи, и им нужно было куда-то выпустить эту тяжесть. Он слышал их голоса за тонкой стеной и старался дышать тише, будто если он будет совсем незаметным, буря обойдёт его стороной. Но буря всё равно задевала — осколками слов, холодом молчания, тяжестью взглядов, в которых не было места для него.

«

Когда ему было восемь, мир рухнул в одну секунду. Папа умер от сердечного приступа — просто сел на стул, схватился за грудь и больше не смог встать. В тот день дом будто перестал дышать. Тишина стала другой — не уютной, а страшной, звенящей. И в этой тишине он вдруг понял, что мир не просто сложный, он ещё и хрупкий: всё, что ты любишь, может исчезнуть в один миг, и никакие «будь осторожнее» этого не остановят.

После этого в семье остались мама, брат, бабушка и он. Они по-прежнему ругались — иногда из-за пустяков, иногда из-за настоящей усталости и боли. Но в этих ссорах всегда оставалось что-то главное: они держались вместе. Если становилось совсем тяжело, бабушка наливала чай, ставила на стол всё, что было, и говорила: «Мы тут. Мы вместе». И этого хватало, чтобы не сломаться.

В школе всё стало ещё сложнее. Там, где дома он хотя бы знал правила, в классе правил не было. Его быстро сделали изгоем. Сначала это были мелкие насмешки: над его старой курткой, над тем, что он не умел громко смеяться, над тем, как он смотрел на мир — слишком внимательно, будто искал в нём что-то важное. Потом насмешки стали злее, а он — тише. Он научился не поднимать глаза, быстро проходить по коридору, не привлекать внимания. Но внимание всё равно находили: он был удобной мишенью для чужой злости, «куклой» для издевательств, на которой можно было отыграть собственные обиды.

Однажды он пришёл домой с синяком на руке и сказал маме: «Я не хочу туда ходить». Мама тогда не стала кричать, не стала ругать учителей или детей. Она просто села рядом, взяла его руку и тихо сказала: «Мы найдём другое место». И они нашли. Перевели его в другую школу — не в лучшую, не в престижную, а просто в ту, где ему оказалось чуть спокойнее.

Там всё было иначе. Никто не смеялся над тем, что он приносит в класс сухие веточки и ставит их в банку. Никто не издевался, если он вдруг замирал у окна, чтобы посмотреть, как ветер крутит листья. В новой школе его не пытались переделать, не пытались сделать «как все». Его просто принимали — таким, какой он есть. И именно там он впервые понял, насколько разными бывают люди и ситуации: в одном месте тебя могут сломать просто за то, что ты другой, а в другом — просто дадут место, где можно быть собой.

Этот контраст стал для него чем-то вроде откровения. Мир оказался не чёрно-белым, а сотканным из тысяч оттенков: где-то жестокость пряталась за обыденностью, а где-то доброта жила в самых простых вещах — в том, что никто не отбирает у тебя твою банку с веточками, в том, что учитель кивает, когда ты говоришь: «Смотрите, как красиво падает лист».

С годами он становился старше, но не переставал замечать мелочи. Осень по-прежнему была его любимым временем: он замедлял шаг, чтобы успеть увидеть, как лист кружится в воздухе, будто не хочет расставаться с деревом. Он всё так же любил лужи, в которых отражается серое небо, — не за яркость, а за честность: небо было таким, какое оно есть, и лужа честно его показывала. Люди стали считать его замкнутым. Кто-то говорил: «Он какой-то странный», кто-то: «Просто тихий». Но он не был ни странным, ни просто тихим. Он был человеком, который слишком хорошо знал, как легко мир может стать холодным, и потому особенно бережно относился к тем маленьким островкам тепла, которые ещё оставались.

Иногда кто-нибудь спрашивал: «Как ты вообще умудряешься радоваться таким пустякам?» Он пожимал плечами и отвечал: «А вдруг это и есть самое важное?» Он не притворялся, что мир стал снова добрым, как в детстве. Он знал правду: мир бывает жестоким, несправедливым, пугающим. Но он также знал, что в нём по-прежнему есть место для красоты — в каждом листике, в каждой луже, в тихом моменте, когда ветер шевелит кроны деревьев.

И он продолжал жить — так же, как и в первый раз: с открытым сердцем, с надеждой, которая не кричала, а тихо светилась где-то глубоко внутри. Не потому, что не видел тьмы, а потому, что умел замечать свет даже там, где его почти не видно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.